

---

## КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ (2012 – 2014 ГГ.) И ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА В КИТАЕ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

*А. А. Коваль*

Начатая в 2012 году антикоррупционная кампания в Китае, стала самой масштабной внутриполитической кампанией в стране со времен Мао Цзэдуна. В ноябре 2012 года, по результатам обсуждения вопросов борьбы с коррупцией в ходе XVIII съезда КПК компартия Китая и ее новый лидер Си Цзиньпин объявили о начале масштабных мероприятий по искоренению с коррупции. На тот момент, по мнению, как партийного руководства, так и экспертного сообщества, эта проблема достигла таких масштабов, что угрожала существованию партии и государства, подрывала авторитет власти в целом.

Сегодня в конце 2014 года, можно подвести первые итоги этого нового политического курса и начального этапа активной антикоррупционной борьбы. Можно ожидать, что с 2015 года, главным целями станет усиление эффективности уже существующих механизмов антикоррупционной борьбы и переход к усовершенствованию законодательства для создания универсальных правовых норм для борьбы и искоренения коррупции. Предполагается, что после их принятия и введения в действие, антикоррупционная борьба в Китае получит новые дополнительные стимулы. В то же время специфика развития правовой системы в Китае не позволяет говорить о том, что эта работа будет проведена быстрыми темпами. Однако, в случае успешного разрешения этой проблемы, Китай сможет построить новую систему на принципах верховенства права, в которой по-новому будут решаться вопросы антикоррупционной борьбы, отношения партии и государства, разделения функций ветвей власти и правовой защищенности граждан.

### **Коррупция в Китае: как проблема и явление**

Коррупция в Китае не является каким-то исключительным явлением, и китайцы всегда настаивали на том, что нет смысла преувеличивать уровень коррупции в их государстве. Тем не менее стоит отметить, что Китай всегда в глобальном индексе восприимчивости коррупции, который ежегодно составляется Transparency International находился среди стран, которые по уровню коррупции намного отставали от стран, где практики государственных решений открыты и прозрачны, поскольку сама система в государстве не противостоит таким элементам коррупции как взяточничество, подкуп, хищение, закулисные сделки, кумовство, злоупотребление властными полномочиями.

В 1996 году Китай занимал 50-е место среди 54 стран, которые тогда проанализировала в своем отчете организация Transparency International, что было признаком чрезвычайно высокого уровня коррупции. В то же время в 2004 году, когда были проанализированы уже 146 стран Китай занял 71-е место. В 2013 году Китай занимал 80-е место среди 178 стран мира, по которым был составлен данный индекс. 2 декабря 2014 года Transparency International опубликовала новейший отчет [Corruption perceptions index 2014], в котором позиции Китая резко ухудшились. Он оказался на 100-м месте среди 174 стран мира. Как заявили в международной организации, эти данные отражают настроения общественного

---

мнения и китайских экспертов по данному вопросу. И снижение рейтинга Китая по итогам 2014 года, как раз и является свидетельством того, что “закоренелая и системная” проблема коррупции наконец-то начала решаться.

Представитель китайского МИДа был вынужден сделать заявление по этому поводу, сказав, что такие данные доклада Transparency International “противоречат хорошо всем известным достижениям Китая в антикоррупционной борьбе”. С начала антикоррупционной кампании в 2013 году более 75 тысяч официальных лиц были наказаны за коррупционную деятельность и это наилучшим образом демонстрирует решимость властей искоренить коррупцию [McKirdy 2014].

Однако, стоит согласиться с мнением, что как раз успехи Китая в борьбе с коррупцией в последние годы и вскрыли реальные масштабы проблемы, показали всю ее серьезность. Поэтому падение рейтинга Китая в индексе Transparency International действительно может быть рефлексией на реальное состояние дел и быть более адекватной оценкой угрозы от коррупции в Китае, которую даже председатель КНР и глава КПК Си Цзиньпин назвал той единственной причиной, которая может привести к “краху Компартии и разрушению государства”.

Но даже если согласимся с мнением ряда китайских ученых, которые говорят, что влияние коррупции в Китае не стоит преувеличивать, то безусловно ни в коем случае это не означает, что коррупция в Китае не имеет своей уникальной специфики. Она определена культурными и историческими особенностями развития Китая, а также уникальностью того пути реформ, который избрал Китай в последние десятилетия.

Коммунистическая партия Китая уже на ранних этапах реформ, в начале 90-х идентифицировала коррупцию, как одну из самых существенных угроз для себя, и легитимности власти, которую эта партия олицетворяет. Однако, дальше официальной констатации этого факта председателем КНР Цзян Цзэмином, работа по системному искоренению коррупции фактически не велась. При этом уже с 1982 года, в соответствии с Уголовным кодексом, взяточничество в Китае являлось преступлением и каралось либо пожизненным заключением, либо казнью. Однако это касалось крупных взяток в размере более 100 тысяч юаней, за которые предусматривается срок заключения на 10 и более лет, вплоть до пожизненного. Но если “обстоятельства особенно серьезные”, то выносятся смертный приговор с конфискацией всего имущества. Однако, эти “серьезные обстоятельства” учитываются на практике очень редко.

Эксперты выделяют два основных типа коррупционных действий, наиболее распространённых в Китае в 1990-е годы. Прежде всего, экономическую коррупцию, основанную на получении доходов путем незаконных операций с различными фондами в условиях становления рынка и злоупотребление властью для получения персональной или корпоративной выгоды. К этому можно добавить множество “полулегальных” способов получения доходов, которые можно также трактовать, как обычную коррупционную практику, которая в то же время не могла быть так квалифицирована по причине того, что она не подпадала под какое-либо уголовное преступление предусмотренное законодательством. Некоторые формы коррупционных действий “отмирали” сами собой с развитием в Китае рыночной экономики (например, спекуляции на разнице рыночных и фиксированных цен), но практически одновременно возникали новые [Wei-Wei Zhang 2000, 133].

Условно все это можно назвать формированием “коррупционной культуры”, которая была вызвана к жизни именно процессом реформ и бурным экономическим развитием Китая. Де-факто, многие отрасли новой китайской экономики были с самого момента своего возникновения “полу-криминализованными”

---

ми” и это постепенно создавало восприятие, что такой способ ведения бизнеса, выстраивания деловых отношений на коррупционных схемах, является новым стандартом поведения. И он лишь меняется в зависимости от изменения ситуаций, появления новых возможностей. Одним из следствий такого явления стало то, что китайцы начали воспринимать коррупцию как некий динамический процесс, а не список прегрешений, который можно кодифицировать и запретить. По данным доклада “Противостояние коррупции” опубликованном компанией PricewaterhouseCoopers, в Китае в 2007 году 72% глав компаний считали коррупцию “естественной” и полагают, что ее невозможно искоренить.

Сказанное выше объясняет почему в наиболее бурный период развития рыночных реформ в Китае, китайцы не ставили вопрос об искоренении коррупции как таковой, поскольку она стала частью общественной культуры и культуры власти. Однако, например, китайский ученый и нобелевский лауреат Лю Сяобо в своем исследовании “Кадры и коррупция” применительно к Китаю, настаивает, что первичным источником для коррупции в Китае была именно политическая природа режима. Поскольку, как считает он, коррупция, которая существовала и в императорском Китае до революции 1911 года, никуда не исчезла и в годы правления Мао Цзэдуна. Для своего исследования он оперирует понятием “неправильное поведение” официальных лиц, которое, по его мнению, определяет коррупцию, как “отклонение” (*девиацию*) от установленных режимом норм и правил, в ходе которых лицо или группа лиц используют свою организацию вместо того чтобы работать для нее, и в которой отдельные персоны начинают играть более важную роль, чем сама организация. При этом, исходя из такого постулата, он не всегда связывал коррупционные действия с получением личной или материальной выгоды и также полагал, что традиционное для Китая использование “личных связей” (*гуаньси*) не в каждом случае может считаться действием коррупционным по натуре. Не считал он коррупцией в чистом виде также бюрократизм и проблему несовершенного стиля управления [Lü Xiaobo 2002, 12]. Наиболее распространенными видами коррупции среди официальных лиц он выделял взяточничество, получение незаконной ренты и разворовывание общественных фондов, злоупотребление служебным положением.

Таким образом, в отличии от коррупции вызванной экономическим ростом и переходом к рынку, другим аспектом коррупции стала концентрация политической власти в руках чиновников, а более точно применительно к реалиям КНР – партийно-чиновничьего аппарата. В то время как Коммунистическая партия Китая фактически монополизировала все возможности для карьерного роста и получения материального вознаграждения в рамках существующей политической системы, а призывы к большей демократизации в Китае звучали крайне редко, злоупотребления властью начали все чаще рассматриваться как “коррупция”. И в таком смысле призывы “к борьбе с коррупцией” и стали своеобразным выражением протеста против действий властей, одним из немногих возможных способов для критики власть предержащих [Kinkley 2006, 3].

Интересно отметить, что борьба с политической коррупцией в 1990-х годах существовала, например, как “сюжет” в китайской новеллистической литературе, где она среди прочего прочно ассоциировалась с “обратной стороной” экономической реформы, ее наиболее негативным аспектом, впоследствии вобрала в себя многие негативные аспекты жизни китайского общества. В этом своеобразном жанре “антикоррупционной фантастики” работали такие известные китайские писатели как Ван Аньи и будущий нобелевский лауреат Мо Янь.

---

При этом литературные образы представителей коррумпированного чиновничества и бизнеса, которые мешают развитию страны и реформам, раздвигали рамки поля для оценки обществом коррупции в Китае. Если на Западе существует достаточно четкое понимание коррупции именно через юридические дефиниции, то в Китае благодаря не правовому, а именно литературному осмыслению широко используемого общего термина “коррупция” (*фубай – в смысле действий, поведения, которые имеют коррупционную составляющую*) – это явление начало приобретать, куда более широкие смысловые понятия и со временем стало ассоциироваться с разложением и загниванием общества, падением моральных устоев и прочих других качеств, которые нормальное и нравственное общество должно воспроизводить и беречь. В Китае начали говорить о “духовной коррупции”, “коррупции нравов” и т. п. На практике слово “коррупция” в Китае стала обозначением любой социальной несправедливости, которая допускалась отдельными личностями или группой лиц (включая и правящую партию) с использованием незаконных методов.

В связи с этим не лишне отметить, что именно “моральная коррупция” и утрата духовных ориентиров, внутреннее разложение власти вело в традиционном представлении общества легитимности власти, к потере символического “мандата Неба”. И в исторической памяти китайцев прочно ассоциировались с крушением династий Мин (1368 – 1644) и Цин (1644 – 1911) [Wei-Wei Zhang 2000, 136]. Эта трактовка создавала потенциальную опасность для нынешних властей. Однако до 2005 года проблема коррупции артикулировалась, но практически эти разговоры не приводили к каким-либо конкретным действиям со стороны властей и со стороны общества. Ситуация в Китае, когда чиновники (особенно на локальном уровне) получали мало при том, что были ответственными за руководство проектами, которые исчислялись миллиардами долларов, порождало все новые и новые схемы.

Поэтому даже громкие дела в отношении ряда официальных лиц в те годы можно рассматривать как изолированные случаи, которые как правило не вели к какому-то более масштабному разбирательству и расследованию коррупционных связей или, например, установлению каких-либо более общих правил для проведения подобных расследований в будущем.

Среди таких случаев можно вспомнить громкое дело мера Пекина Чень Ситун, который был членом Политбюро. Он смещен со своего поста в 1995 году, по подозрению в “коррупции” и разбазариванию средств. По данным следствия он присвоил сумму эквивалентную 2 млрд долларов в период с 1987 по 1995 год. По мнению многих, этот громкий скандал, который быстро, впрочем, был забыт, был ничем иным, как противостоянием внутри правящей элиты, и означал политическую победу тогдашнего генсека ЦК КПК Цзян Цзэминя над внутрипартийной группировкой, которая оспаривала его власть после назначения его на пост генсека КПК после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. [Faison 1997].

После своего досрочного освобождения (вместо положенных по решению суда 16 лет, он провел 6 лет в заключении) и за год до своей смерти в 2013 году Чень Ситун в интервью заявил, что расправа над ним была “грубейшей судебной ошибкой с участием лидера высокого уровня со времен Культурной революции, или с 1989 года ... абсурдная судебная ошибка” [Kang Lim, Buckley 2012]. Поэтому, когда в сентябре 2006 года была начата антикоррупционная компания против Шанхайского градоначальника Чэнь Ляньюя за растрату средств пенсионных фондов, многие также усматривали в ней политическую борьбу внутри партии накануне очередного съезда КПК, который должен был определить потенциальные кандидатуры уже следующего поколения китайских лидеров [Brown 2006].

---

По мнению американского ученого, профессора Гарвардской школы права Ноя Фельдмана, в китайской политической системе сложился негласный компромисс, который, по его мнению, состоял в том, что партийные боссы и т.н. “князьки” или “принцы”, которым власть доставалась в силу их происхождения из семей известных в прошлом китайских политиков, благодаря покровительству “старейшин” Компартии, пользуются преимуществами китайской политической системы наряду с меритократами, которые наполняют систему государства свежими и талантливыми кадрами, а также реформистами, которые стремятся искоренить коррупцию и выступают за большую прозрачность и подотчетность правительства [Feldman 2013].

Стоит отметить, что такая “клановая” схема классификации представителей китайской номенклатуры стала достаточно популярной и воспроизводится достаточно часто в литературе, затрагивающей политические проблемы КНР, и в какой-то степени может быть принята для объяснения причин процессов против крупных чиновников в 1990-е годы прошлого столетия. Однако, если говорить применительно к теме антикоррупционной борьбы и ее современному этапу, что такое деление страдает некоторой условностью. Стоит сказать, что каждая из т.н. группировок имеет собственные взгляды на коррупцию и борьбу с ней (и даже внутри каждой из групп отношение к этой проблеме не одинаково). Кроме того, каждая из группировок (как видно из анализа дел Чень Ситуня и Чэнь Ляньюя) ранее по-своему использовала в своих интересах тему “борьбы с коррупцией”, превращая ее в элемент внутривластной борьбы на самом высоком уровне.

Таким образом, если даже объяснить этим обстоятельством немногочисленность антикоррупционных дел против чиновников высокого ранга, нельзя не отметить, что партия и китайское руководство именно в годы правления Ху Цзиньтао впервые заговорила о необходимости выработки определенных критериев по работе с партийными кадрами, усилению внутривластной дисциплины, а также для разработки более общих положений антикоррупционной борьбы в рамках всего государства и усовершенствования норм национального антикоррупционного законодательства.

При Ху Цзиньтао был сделан упор прежде всего не на наказание чиновников (наиболее распространёнными в то время были партийно-административные взыскания), но на создание таких условий, при которых коррупция и взяточничество не могли бы существовать. То есть на ее предупреждение, но не на ее искоренение какими-либо карательными методами. В борьбе с коррупцией “оптимальное решение проблемы требует как радикальных, так и паллиативных мер, сочетания мер наказания и профилактики с акцентом на профилактику” – говорили тогда [Фасхутдинов 2012]. В частности, была использована практика постоянной ротации чиновников на своих постах, чтобы они не успевали обрастать коррупционными связями.

В 2007 году председатель Ху Цзиньтао разработал “Моральный кодекс из восьми принципов” для граждан Китая, в котором он, в частности, призывает: “Любить Родину и не наносить ей вреда; служить народу, не предавая его; следовать за наукой и не быть невеждой; помогать каждому и не наживаться за счёт других; быть честным и порядочным; не поступаться принципами ради наживы; жить просто, трудиться усердно и не валяться в роскоши и наслаждениях” [Олими 2011].

Наряду с уже существующими централизованными структурами по борьбе с коррупцией, таких как Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины и Министерство контроля, 6 сентября 2007 года руководство КНР создало Го-

---

сударственное управление по предупреждению (противодействию) коррупции, главой которого назначили министра контроля Ма Вэнь. К функциям нового ведомства, подчиненного госсовету КНР, было отнесено выявление коррупционеров, и разработка целых комплексов антикоррупционных мер, и даже ведение собственных расследований. Предполагалось создать вертикальную структуру с сетью представительств на локальном уровне [Фасхутдинов 2012].

Причем, как сообщали тогда китайские СМИ, данный госорган был создан во исполнение обязательств КНР в связи с присоединением к Конвенции ООН против коррупции, и был нацелен на “заимствование эффективного опыта международного сообщества в этом отношении” [В Китае создано... 2007]. Впрочем, в последующие годы какой-либо активной деятельности этой госструктуры в Китае не было отмечено. Однако уже тогда наметился сдвиг в сторону того, что лидирующую роль в определении антикоррупционной стратегии в Китае принимала на себя китайская Коммунистическая партия и ее руководящие органы в частности – Политбюро ЦК КПК и Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины.

28 апреля 2008 года Политбюро ЦК КПК одобрило антикоррупционный план на ближайшие 5 лет до 2012 года. Он был обнародован в июне того же года и, в частности, предусматривал намерение властей КНР сосредоточиться на искоренении расточительных трат бюджетных средств руководителями госкорпораций. Предусматривалось сформировать прозрачную демократичную систему управления госкомпаниями. Кроме того, партия брала на себя обязательство учредить специальный комитет, которому Политбюро ЦК КПК будет отчитываться о своих действиях по искоренению коррупции [Одобрила компартия Китая... 2008].

В феврале 2010 года ЦК КПК обнародовал “Правила по сохранению честной политической деятельности для руководителей-членов КПК”, в котором определены 52 запрета для упорядочения действий членов КПК. “Запрет на принятие подарков, приглашения на прием, организацию туризма, мероприятий по здравоохранению и развлечению в ходе исполнения служебной деятельности”, “запрет на принятие денег, ценных подарков и разных ценных бумаг, векселей о платежах в ходе исполнения служебной деятельности”, “запрет на масштабную организацию свадебных, траурных и других юбилейных мероприятий во избежание негативного влияния и возможности нелегального сбора подарков и денег” и пр. Правда, большинство из них тогда так и остались на бумаге [52 запрета: борьба с коррупцией в КНР 2011].

Ху Цзиньтао, который фактически взял на вооружение конфуцианскую концепцию – гармоничного развития и построения гармоничного общества, постоянно звал к достоинству и чести коммунистов. Этим призывам мало кто следовал на самом деле, внедрял в жизнь или практиковал в работе. Тем не менее, усилия этих лет имели результатом некоторое сокращение взяточничества на низовом уровне, особенно после введения практики (начиная с 2009 года), когда рядовые граждане могли информировать вышестоящие власти и партийные надзорные органы о неправомерных действиях служащих самого низкого уровня. В то же время, в это время коррупция переместилась в высшие эшелоны власти, где чиновники и представители крупного бизнеса чувствовали себя безнаказанными и могли в ряде случаев откупиться от ответственности или решить судебное разбирательство в свою пользу, а, например, человек открыто заявлявший о фактах коррупции сам мог пострадать от произвола местных чиновников.

---

Результаты работы китайского руководства за предшествующие годы были суммированы в правительственной Белой книге под названием: “Усилия Китая по борьбе с коррупцией и формированию неподкупного партийного и правительственного аппарата”, которая увидела свет в конце 2011 года. В частности, там говорилось о том, что с 2000 года в Китае были расстреляны за коррупцию около 10 тысяч чиновников, еще 120 тысяч получили по 10–20 лет заключения. Однако многие полагают, что эта цифра завышена и касается не только коррупционеров.

Так официальное издание “Фачжи Жибао” отмечало: по итогам 2010 года в Китае к высшей мере наказания или пожизненному заключению были приговорены 11 высших чиновников. Средняя сумма принятых ими взяток составляет 10 млн юаней (\$1,4 млн), что на 20% больше, чем в 2009 году. Из коррупционеров уровня провинциальных властей и выше семеро были приговорены к смертной казни, а четверо – к пожизненному заключению [Фасхутдинов 2012].

Тем не менее, по другим данным, которые видимо более достоверны, за годы правления Ху Цзиньтао более 58 чиновников уровня провинции и выше были осуждены за взятки, которые значительно превышают уровень 100 тыс. юаней, но только трое из них были приговорены к высшей мере – смертной казни. По данным же Верховной народной прокуратуры КНР за пять лет с января 2008 года по август 2013 года проведены расследования в отношении 32 государственных работников провинциального уровня и выше по правонарушениям, связанным с коррупцией и взяточничеством [За пять лет... 2013].

При этом Ху Цзиньтао первым заговорил о том, что Партия не может быть над законом страны. Всем стало очевидно, что это дорога в никуда и, если не поменять такого положения, КПК потеряет доверие со стороны общества, и что более страшно, начнет деградировать изнутри и этот процесс станет необратимым. Как отмечает упомянутый выше Лю Сяобо, коммунистический режим становится “мягким”, поскольку его разрушают его собственные “агенты” (а не зарубежные), которые действуют вопреки закону и противятся контролю над своими действиями. “Силы инволюции режима развиваются в нем самом” и, как в случае с компартией в СССР, приводят режим к краху [Lü Xiaobo, 246].

Доказательством тому, что такая угроза стала актуальна для компартии Китая несколько лет назад, стало дело руководителя партийного комитета города Чунцин Бо Силая в начале 2012 года. Хотя, это дело также многими рассматривалось и продолжает рассматриваться в контексте закулисной политической борьбы за власть в Пекине между группировками. В отличие от аналогичных дел прошлого, дело Бо наряду с политической составляющей, имело и сугубо правовые аспекты – он, госчиновник высшего ранга (сын известного руководителя КПК старшего поколения Бо Ибо, в прошлом министр коммерции КНР), член Политбюро ЦК КПК, пытался скрыть причастность своей супруги к заказному убийству иностранного предпринимателя 15 ноября 2011 года. Это, по сути криминальное, дело явило стране также невиданные до сих пор масштабы коррупции в высших эшелонах власти страны. Но кроме того, также со всей очевидностью показано с какой степенью бесцеремонности и цинизма лица, наделенные властью, могут нарушать и игнорировать законы.

К чести китайской власти, дело Бо расследовалось с максимальной степенью прозрачности и суд над ним был публичным, что было беспрецедентно. Сам обвиняемый не признал выдвинутых против него обвинений в коррупционных действиях. Его в частности обвинили в получение взяток в размере 20,4 млн. юаней. Он также попытался обжаловать приговор суда низшей инстанции, что также произошло впервые, но проиграл дело 25 октября 2013 года и был отправлен отбывать пожизненное заключение [Китайская народная республика... 2014, 70].

---

Таким образом именно при Ху Цзиньтао – в ходе последних лет его пребывания на посту главы КПК до 2012 г. – авторитет партии значительно снизился, возникла угроза для легитимности власти Компартии в Китае. Наряду с целым рядом иных причин для этого, одной из самых опасных оказалась именно коррупция.

В своем отчетном докладе в ходе XVIII-го Всекитайского съезда КПК в ноябре 2012 года, перед тем как покинуть высший партийный пост, Ху Цзиньтао назвал коррупцию “важной политической проблемой, которая привлекает к себе внимание народа. Неадекватное разрешение этой проблемы может нанести смертельный вред партии и даже погубить ее и страну. Борьбой с разложением и утверждением неподкупности нужно заниматься всегда и неустанно, набат против разложения и перерождения должен звучать всегда”.

Таким образом, для нового лидера Си Цзиньпина борьба с коррупцией стала важнейшей задачей, которая досталась в наследство от предшествующих поколений китайских лидеров.

### **Борьба с коррупцией: от политической кампании к политическому курсу**

Очевидно, что Си Цзиньпин уже в момент утверждения его на пост генерального секретаря Компартии Китая по результатам XVIII съезда КПК, имел определенную программу действий в отношении коррупции. Это подтверждается его заявлениями и действиями партийных органов в первые дни и недели после съезда.

Уже 4 декабря 2012 новый состав Политбюро ЦК КПК принял “Правила из восьми пунктов”, призванные улучшить работу госаппарата и уменьшить расточительность госслужащих. Они в некотором смысле повторяли установления 2010 года времен Ху Цзиньтао, но были более конкретны и имели задачу лишить чиновников возможности бесконтрольно тратить подотчетные им государственные, партийные и общественные фонды. Предписывалось сократить траты на служебные встречи и визиты, а также упростить пышные и праздничные церемонии. В частности, чиновники должны были прекратить посещать публичные мероприятия в качестве официальных лиц без особой необходимости, а также они обязаны были отказаться от произнесения длинных, бессмысленных речей на заседаниях, уменьшить использование служебных автомобилей в личных целях.

Однако еще до момента обнародования этих “установлений” новым руководством партии были быстро проведены важные мероприятия и была принята солидная база новых норм и правил в виде подзаконных и внутривнутрипартийных актов, указывалась необходимость их неукоснительного соблюдения.

Так уже на 1-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва 15 ноября 2012 года были приняты решения по новому составу Центральной Комиссии Компартии Китая (КПК) по проверке дисциплины и усилению ее полномочий. Во главе ее был поставлен Ван Цишань – член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 18-го созыва, вице-премьер Госсовета КНР, который заслужил известность тем, что китайское руководство направляло его на те участки государственной работы и поручало выполнение таких задач, где решительность действий и высокая ответственность были решающими факторами.

18 ноября 2013 года ЦК КПК приняло Правила по строгой экономии фондов и борьбе с расточительством в партийных и государственных органах. В частности, вводился запрет на превышении ранее установленных норм жилых и деловых помещений, служебных машин, охраны, личных секретарей. Вводились проверки по фактам превышения установленных норм. А 21 ноября 2013 года на своем заседании Центральная комиссия Компартии Китая (КПК) по проверке дисциплины приняла “Оповещение”, согласно которому чиновникам запрещается расходовать



---

средства из государственных и общественных фондов на дорогие подарки и еду в канун праздников Нового года и праздника Весны. Под запрет попали покупки фейерверков и хлопушек, сигарет и алкоголя, цветов, продуктов питания и других новогодних товаров [В Китае запрещается покупать подарки... 2013]. 8 декабря 2013 года издано еще одно Положение о государственных приемах в партийных и административных органах КНР, в котором предписывается сократить расходы чиновников при посещении ресторанов, устройства банкетов и т.д., введено негласное правило для чиновничьего меню “один суп, три закуски”. Еще 31 октября 2013 года Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины опубликовала “Оповещение о запрете печатать и отправлять новогодние открытки за счет государственных средств”, в результате этой меры этот рынок некогда популярных среди китайских чиновников подарков сократился на половину уже к концу декабря [Сокращение потребления... 2013]. Примерно такой же эффект, но несколько позже, испытал на себе весь сектор рынка ориентированный на товары люкс класса и предоставление услуг зажиточным клиентам. Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины начала компанию за изъятие у чиновников VIP-карт, которыми официальные лица расплачивались ранее за оказанные услуги представительского характера в ресторанах и магазинах, особо не заботясь о суммах, выписанных в счетах. Всего пакет антикоррупционных документов, составленных в недрах партийного аппарата, составил 12 штук и также позже их действие было распространено на руководителей госпредприятий и армию.

Таким образом, роль Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины была усилена до уровня основного координирующего органа этой борьбы в государстве в целом. И это был важный шаг. Поскольку таким образом партия брала на себя ответственность за исправление ситуации, которая сложилась не только в партийных рядах, но и в государстве в целом. Как видно, по сути, внутренние установления в партии по борьбе с коррупцией имеют до сих пор более высокую приоритетность, чем, например, государственные законы, которые в Китае традиционно принимаются долго, а их имплементация сопряжена с бюрократическими процедурами.

Нынешний состав Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины состоит из 130 человек. В ее задачи входит проведение расследований в отношении подозреваемых в злоупотреблениях и тех или иных нарушениях членов партии. Лишь по завершении расследования ЦКПД ставится вопрос об исключении провинившегося политика или чиновника из партии, лишения всех регалий и полномочий. И лишь затем дело передается в правоохранительные органы [Чаплыгина 2012].

А уже в ходе заседания Политбюро ЦК КПК, состоявшегося 31 декабря 2012 года под руководством генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина был утвержден план по борьбе с коррупцией на 2013 год. В его рамках Партия стремилась “избавить своих членов от расточительности, бюрократического поведения и злоупотребления властью” [КПК наметила в общих чертах план... 2013].

“Борьба должна вестись против мух (мелких взяточников) и против тигров (крупных чиновников-коррупционеров) ... Перед партийной дисциплиной и государственными законами никто не может претендовать на исключение. Кого бы ни касалось дело, его нужно расследовать до конца, без всякого снисхождения” – заявил Си Цзиньпин, в ходе 2-го пленарного заседания Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины 18-го созыва 22 января 2013 года. “Нам необходимо решительно бороться против всех видов коррупции, наказать каждого чиновника, уличенного в коррупции, и непрерывно искоренять почву, порождающую коррупцию, с тем,

---

чтобы завоевать доверие народа реальными результатами”, – сказал генсек [Китай основательно борется... 2013]. Этому заявлению предшествовало (по-видимому негласное) указание начать расследование против бывшего шефа внутренних служб безопасности Чжоу Юнкана, которого якобы сразу после XVIII съезда КПК поместили под домашний арест. При этом он стал первым подследственным из числа бывших членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (ранее они считались неприкосновенными даже для партийных органов). Кроме того, несколько позже обвинения были предъявлены чиновникам, связанным с Чжоу – бывшему председателю комитета по контролю и управлению государственным имуществом при Госсовете КНР Цзян Цзэминю, бывшему заместителю генерального директора Китайской национальной нефтегазовой корпорации Ван Юнчуню и бывшему заместителю министра общественной безопасности КНР Ли Дуншэну.

При этом, все-таки, характерной чертой антикоррупционных компаний в Китае иницируемых ЦКПД до сих пор является их непубличность. Сначала соответствующие органы партии ведут дознание и собирают факты путем отправки специальных инспекторов. При этом инспекторы в ходе процесса “охоты на тигра” отлавливают “мух”. То есть, на первоначальном этапе целью антикоррупционных расследований являются относительно низкие по рангу чиновники, но через которых можно выявить связи, идущие наверх. Затем, благодаря собранным данным круг проведения антикоррупционного расследования сужается от периферии к центру. В итоге, вокруг потенциального “тигра” возводится “клетка” из фактов свидетельств и показаний, которые уже не дают ему шансов улизнуть из “западни”. Полагают, что впервые такая методика была опробована в ходе расследования дела и суда над Бо Силаем, показания против которого дали его самые близкие доверенные лица. В 2014 году такого рода расследования уже давали эффект домино, который в Китае назван “коррупцией обвального типа”, когда расследование одного дела открывало перспективу раскрытия нескольких новых. Причем и количество инспекций ЦКПД постепенно увеличивалось, и вслед за партийными органами и органами власти в центре и на местах, они затем охватывали также и госпредприятия, крупнейшие фирмы и корпорации страны. При этом инспекторы от ЦКПД имели весьма узкие полномочия (они не могут проводить дознания в том ключе, каком это делают представители правоохранительных органов), тем не менее, при поддержке общественности, в разговорах с рядовыми сотрудниками коллектива, коллегами и сослуживцами, контрагентами и т.п. им удавалось собрать для центра достаточно ценный материал для того, чтобы уже Центральная комиссия принимала решение о запуске расследования против того или иного чиновника или руководителя [Anti-graft blitz... 2014].

Такой подход существенно отличается от того, что наблюдалось еще несколько лет назад, с направлением первого удара на ключевого фигуранта дела, и порой лишь нескольких его подопечных и ключевых сообщников. При новом подходе вскрываются целые сети и разрываются цепочки, ведущие из Пекина на периферию, и наоборот, с уровней внизу, подпитывающие коррупционеров на самом вершине политического Олимпа страны. При этом порой оказывалось, что чиновник локального уровня, роль, должность которого была столь незначительной (волостного или уездного уровня), что не представляла интереса для следователей, оказывался ключевым звеном большой коррупционной сети и порой даже играл большую роль в преступных схемах, чем его высокопоставленные поделельники, покровители и их незаконные махинации исчислялись десятками миллионов юаней [Выявление крупных коррупционеров... 2014].

---

Еще одним новым понятием, которым обогатилась антикоррупционная терминология – стала борьба с “голыми чиновниками”. Это люди, которые пытались сохранить свое положение, но при этом отправляли на постоянное жительство за рубеж своих родственников. Так с начала 2014 года партработники, родственники которых проживают постоянно за рубежом, лишались возможности получить продвижение по службе. Провинция Гуандун лидировала по количеству таких фактов и даже получила от КПК добро на проведение отдельной масштабной кампании по борьбе с такими людьми, принятие инструкций и актов локального характера для узаконивая подобного рода мероприятий. Всего там было обнаружено 2190 таких служащих, 866 из них, отказавшихся привезти свои семьи в Китай, были понижены в должностях. Для сравнения, в ходе подобных проверок в Пекине посты лишь 46 таких чиновников были перераспределены [Чистка “голых чиновников” 2014].

Китай также интенсифицировал борьбу с коррупционерами за границей под кодовым названием “охота на лис”. Под руководством Центральной комиссии по проверке дисциплины, к кампании подключились Верховная прокуратура и Министерство общественной безопасности страны. Вплоть до настоящего времени, в “охоте на лис” в 58 странах и районах мира были пойманы 396 сбежавших подозреваемых в экономических преступлениях. Среди них, свыше 100 человек имеют отношение к действиям коррупционного характера, которые превышают более 10 млн. юаней. Правда, в то же время, по данным официальных СМИ 54% из общего числа коррупционеров добровольно сдались властям и кампанию “охота на лис” намереваются свернуть уже с января 2015 года [Anti-graft blitz... 2014].

Несмотря на эти новые подходы, которые оказываются весьма эффективными, за рубежом, да и в самом Китае, полагают, что кампания по борьбе с коррупцией все еще остается для китайских лидеров средством внутривнутрипартийной борьбы между отдельными лидерами или группировками. Однако, под давлением общественности и с целью сбить уровень социального недовольства, партия была вынуждена перейти в наступление на коррупцию в открытую, и масштабы антикоррупционной борьбы разрастаются именно потому, что население приветствовало такие меры.

В июне 2013 г. было объявлено о начале идеологической кампании “практики изучения партией линии масс” и борьбы с “четырьмя поветриями”: “формализмом, бюрократизмом, эпикурейством и стремлением к роскоши”, которые являются “главной причиной, которая наносит вред отношениям между партией и массами” и, соответственно, должны быть устранены. Волна борьбы с коррупцией поднялась на новую высоту: на смену ударам по отдельным коррупционерам пришли масштабные “зачистки” целых отраслей, регионов и крупнейших государственных компаний [Цыплаков 2014].

Таким образом можно признать правомерным мнение, что на начальных этапах кампании речь шла скорее о публичной демонстрации намерений властей. При этом часть чиновников поначалу не верила, что партийное руководство зайдет так далеко и думала, что партия будет вести кампанию более осмотрительно на фоне необходимости сохранения социальной стабильности. Ведь нельзя утверждать, что в Китае уже создан и запущен отлаженный механизм противодействия коррупции, но общественность, как оказалось, вполне адекватно отреагировала на предложенные партией мероприятия, поддерживая инициативы сверху. Ставка делается также на то, чтобы создать вокруг чиновников некомфортную обстановку, когда любой их шаг рассматривается под микроскопом, а

---

сами они оказываются полностью подконтрольными не только со стороны вышестоящих органов, но и простых людей. В частных беседах китайские чиновники жалуются на атмосферу тотального надзора, распространяющегося на все сферы жизни, включая частную [Денисов 2014].

В этой связи интересной особенностью нынешней кампании по чистке чиновничьих рядов стала борьба против коррупции, связанной с этическими проблемами в сфере личной жизни, чего не было ранее. Генсек Си Цзиньпин неоднократно высказывался о недопустимости терпимого отношения к членам партии, не соблюдающим нормы морали. Чиновникам предписывается скромность во всем и близость к народу, постоянно говорится о возврате к ценностям “классического социализма”, борьбе с разложением, за чистоту управленческого стиля.

Во многих коррупционных скандалах последних лет оказались замешаны любовницы руководителей, что породило особое явление и особый термин — борьба с “секс-коррупцией” (фань сэфу). Китайские СМИ утверждают, что абсолютное большинство разоблаченных коррупционеров содержали одну или нескольких любовниц. “Во всех сделках между нечестными чиновниками и их любовницами страдающей стороной выступают интересы государства и общества”, — отмечается в одном из партийных изданий. В декабре 2012 года агентство “Синьхуа” опубликовало статистические данные о том, что в 95% случаев снятые с должностей чиновники имели “второстепенных жен” (бао эр най, цинфу, сяосань или сяоми), и более в чем 60% случаев коррупционные преступления совершались из-за любовниц [Карнеев 2014].

Говоря о целях этой борьбы, газета “Global Times”, аффилированная с печатным органом компартии “Женьминь жибао” писала: “При высоком профессиональном риске, чиновники будут намного осмотрительнее и осторожнее, разного рода невидимые материальные блага будут отняты, а коррупция в корне подавлена. Таким образом, внимание к правительственным служащим упадет, они станут простыми работниками, общество в погоне за справедливостью уже не будет так пристально следить за ними”.

В будущем будет зафиксирован “период высокого риска” для китайских чиновников, они будут “каратся” не только за взятки, все серьезнее на их карьере будет сказываться их безнравственное поведение. Государственные служащие должны быть высоко дисциплинированными людьми, подавать пример образцового поведения, способствовать моральному совершенствованию общества — уже сформировалось именно такое настоятельное требование. ... Те чиновники, которые смогут своевременно подстроиться под изменения, и быть более сдержанными, “счастливы уцелеют”, сохранят свою активность на фоне всесторонней модернизации Китая, внесут свой вклад [Сексуальный скандал... 2013].

В 2013 году также были введены и строго применяются системы контроля над коммерческой деятельностью, занятием должностей государственной службы и в общественных организациях, выездом за рубеж родственников руководящих кадров, предупреждения использования руководящими кадрами должностных полномочий и личного влияния для извлечения выгоды для родственников или других лиц, имеющих взаимоотношения с этими руководящими кадрами.

Таким образом, можно отметить, что кампания по борьбе с коррупцией в Китае не базируется на твердой законодательной основе, но руководствовалась практически исключительно указаниями сверху из Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. По прежнему, она “страдает” некоторой избирательностью. Так, например, когда в

---

западных СМИ в середине 2012 года были обнародованы данные о размерах благосостояния бывшего председателя Госсовета КНР Вень Цзябао и родственников самого Си Цзиньпина, в Китае постарались не допустить распространения этой информации внутри страны и никаких мероприятий по расследованию приведенных фактов не было проведено.

Можно сказать, что своеобразным итогом первого года антикоррупционной кампании развернутой в декабре 2012 года, стало принятие 26 декабря 2013 года Плана работы по построению и оздоровлению карательной и предупреждающей коррупции системы на 2013 – 2017 гг. В частности, план предусматривает усиление мер юридической ответственности за коррупционные действия, а также повышение уровня неприятия коррупции в обществе, разработку научных мер предупреждения коррупционных явлений в государстве [Китайская народная республика... 2014, 72].

16 июля 2014 года руководитель Центральной комиссии по проверке дисциплины ЦК КПК Ван Цишань в ходе Второго заседания по инспекционной рабочей мобилизации завел речь о ситуации с антикоррупционной борьбой. Он отметил, что целью борьбы с коррупцией в настоящее время является сдерживание тенденций распространения коррупции, сохранение высокого давления, слежка и выявление тех, кто нарушает дисциплину. Очевидно, что следующим шагом в борьбе с коррупцией станет обязательное наказание коррупционеров, нулевая терпимость к этому явлению [Необходимо вести борьбу... 2014].

Это заявление было сделано буквально за несколько дней до того, как 29 июля 2014 года Центральная комиссия Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины объявила о начале расследования в отношении Чжоу Юнкана, обвиняемого в “серьезных нарушениях партийной дисциплины”. Таким образом, выдвижение обвинений против чиновника самого высокого ранга означало, что Комиссия завершила сбор компрометирующих обстоятельств по его делу и переходит к этапу подготовки его в суд. Однако ряд обвинений, выдвинутых против него выходит за рамки антикоррупционного расследования, как, например, подозрение в подготовке покушение на жизнь нынешнего китайского лидера Си Цзиньпина [Коваль 2014].

Арест Чжоу Юнкана состоялся 8 декабря 2014 года и по мнению многих означает, что позиции Председателя КНР Си Цзиньпина настолько окрепли, что он может бросить вызов даже таким тяжеловесным фигурам из прошлого руководства, как министр государственной безопасности страны. Чжоу Юнкан использовал свое положение, чтобы манипулировать руководством партии, у него была целая сеть агентов, под его контролем до сих пор находился нефтяной сектор. Как министр безопасности он владел информацией обо всех высокопоставленных чиновниках и представлял реальную угрозу для Си Цзиньпина. На западе полагают, что именно этот процесс станет настоящим испытанием для китайской партийной системы и курса на искоренение коррупции. Однако, китайские эксперты в частности китайский политолог Чжан Лифан отмечает, что, если Чжоу Юнкана обвинят по статье разглашение государственной тайны – процесс будет закрытым. Чжоу Юнкану определенно грозит смертная казнь, соглашаются эксперты [Базанова 2014]. Тем не менее, в самом Китае больше внимания уделяют тому обстоятельству, что суд над Чжоу будет показательным с точки зрения того, что власти страны четко взяли курс на управление страной на основе верховенства права и на практике готовы применить принцип равенства любого члена общества перед законом.

---

Описанные выше практики проведения кампании по борьбе с коррупцией до настоящего времени достаточно красноречиво свидетельствовали о том, что за последние годы ведущая роль в ней принадлежит партийным органам. При этом, если практические мероприятия по признанию многих экспертов оказываются вполне эффективными, правовая и системная основа для антикоррупционных мероприятий в стране до сих пор так и не была создана.

В частности, в разработке партийных антикоррупционных мероприятий практически не участвуют представители законодательной власти, представители общества экспертов права, широкая общественность. При этом, партия сама взяла на себя инициативу постепенного приведения внутрипартийных антикоррупционных установлений в соответствие с законом, а выработанные в результате антикоррупционной борьбы практики превращать в универсальные механизмы, на основе которых будут выработываться новые законы.

Законодательство – это основной способ управления государством, правления и выполнения административной работы. “Всестороннее построение среднестатистического общества предъявляет еще более высокие требования к управлению государством на основе законов”, – подчеркнул Си Цзиньпин в декабре 2012 г. на торжественном собрании по случаю 30-й годовщины со дня обнародования действующей Конституции КНР и в феврале 2013 года в ходе 4-й коллективной учебы Политбюро ЦК КПК. По его словам, так как законодательная деятельность осуществляется народом под руководством КПК, партийная деятельность должна осуществляться в рамках Конституции и закона [Новая политика Китая 2013].

Так, по мнению проректора Китайского университета политики и права Ма Хуайдэ, «сейчас нет необходимости регулировать антикоррупционную стратегию. Однако можно усовершенствовать конкретные методы, приложить усилия в области радикальных мер. ... В процессе предотвращения и искоренения коррупции конечной точкой является борьба с коррупцией на основе законов. Для всестороннего продвижения государственного управления на базе законов и установления антикоррупционных законов, в первую очередь, следует усовершенствовать некоторые нормативные акты, например, как было упомянуто выше, создать законы об открытости информации, публичности власти и партийной деятельности. Самым главным является установление “первопричинного” закона. Как ограничить власть руководящих лиц? На повестку дня следует поставить такие вопросы, как научное и демократичное принятие решений, установление закона об административных функциях. Кроме того, необходимо ввести закон об открытости сведений о доходах и имуществе» [Необходимо вести борьбу... 2014].

Впрочем, уже осенью 2013 года на 3-м пленуме ЦК КПК, который рассматривал вопросы административного управления среди прочего констатировалось, что “в свете сохраняющегося высокого уровня коррумпированности партийно-государственного аппарата руководство КПК получает достоверную информацию о росте протестных настроений в обществе, главной чертой которого, вместо традиционной в дореформенном Китае стабильности, стала динамичность. Сохранение коррупции как свойства политического управления может стать, в этих условиях, причиной социального взрыва”. Таким образом, Пленум предложил двигаться для решения данной проблемы двумя путями: совершенствовать систему партийного и государственного контроля и надзора, одновременно стимулируя повышение правовой защищенности граждан институционально и путем повышения их правосознания. В последнем аспекте партия стремится создать правовую систему с “целью защиты прав и интересов народа” [Китайская народная республика... 2014, 81].

---

Встретившись в начале 2014 года, с руководством ЦКПД, Си Цзиньпин призвал “активно вести обновление институтов и механизмов, создать институциональное обеспечение борьбы с коррупцией” и предупредил, что “все еще сохраняется очаг порождения коррупции” [Тавровский 2014].

На Четвертом Пленуме ЦК КПК 18-го созыва который проходил в Пекине 20-23 октября 2014 года было выдвинуто важное решение об управлении государством на основе закона и создания в Китае правового общества, было четко указано на необходимость систематизировать и узаконить борьбу с коррупцией. Говорилось о комплексной реализации концепции управления государством на основе верховенства законов. При этом новым положением было то, что в сердцевину новой системы “управления на основе закона с социалистической спецификой” будет положено следование и неукоснительное соблюдение Конституции КНР, а также создание правительства подотчетного народу и транспарантного в своей деятельности. Также на таком высоком уровне впервые поставлен вопрос о создании механизма, который бы воспрепятствовал вмешательству официальных лиц в правовые процессы и судебные разбирательства. Будет введен механизм широкого информирования о таких фактах. Партия выступает за формирование более профессиональной среды в судебной системе, которая в Китае традиционно формировалась в условиях отсутствия принципа разделения властей. На страже верховенства права должна стоять не только правоохранительная система, но также армия, которая должна отличаться суровой дисциплиной.

#### **Заключение**

Таким образом видно, что с 2012 года в Китае власти осознали опасность неадекватного реагирования на проблему коррупции, игнорирования угроз, которые возникают из-за внутреннего разложения партийного и государственного аппарата.

В то же время стоит отметить, что в существующей в Китае государственной модели управления, трансформация инициатив Партии в легальные акты происходит достаточно долго. И хотя Коммунистическая партия признает Собрание народных представителей (парламент) в качестве центрального правового института в государстве, до сих пор в практическом плане не видно никаких сигналов к тому, что именно парламент, а не партийные органы будет играть ключевую роль в разработке правовых решений, о которых сегодня говорит КПК. Скорее всего, законодательный орган, как и было ранее, будет утверждать правовые разработки, сделанные в недрах руководящих партийных органов. Это же касается и Госсовета КНР, который (если говорить о борьбе с *rule*-коррупцией, в частности) по сути не играет какой-либо заметной роли в контроле за выполнением мероприятий, которые выработывают партийные органы. В связи с этим желательным с точки зрения ряда китайских экспертов, видится придание антикоррупционной работе парторганов более научного (с привлечением экспертов-правоведов) и демократического (консультации с общественностью) подходов.

Можно сказать, что за последние годы партия в рамках масштабной кампании антикоррупционной борьбы смогла снизить степень угрозы для легитимности своей власти. Сейчас эта проблема уже не стоит так остро. КПК сумела консолидировать общественность на борьбу с коррупцией, при этом определив направление и подходы осуществления этой борьбы. Однако, уже на начальном этапе, осознав лимиты эффективности существующих подходов, сама КПК определила для себя основной задачей “ускорение создания справедливой, эффективной и авторитетной социалистической системы” в государстве, что в свою очередь

---

также должно содействовать дальнейшему укреплению позиций КПК, как лидирующей силы в стране по продвижению принципов верховенства права. От успехов данной работы в целом будет зависеть внутривластная трансформация и дальнейших ход реформ в КНР на нынешнем важнейшем этапе развития страны.

#### ЛИТЕРАТУРА

52 запрета: борьба с коррупцией в КНР // **Жэньминь жибао**, 23.06.2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/7417910.html>

Базанова Е. Арест экс-министра безопасности Китая Чжоу Юнкана укрепит власть Си Цзиньпина // **Ведомости**, 08.12.2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: — <http://www.vedomosti.ru/politics/news/36995891/arestovan-kitajskij-beriya>

В Китае запрещается покупать подарки за казенный счет на Новый год и праздник Весны // **Жэньминь жибао**, 25. 11. 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/8465605.html>

В Китае создано Государственное управление предупреждения коррупции // **Жэньминь жибао**, 07. 09. 2007. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/6257266.html>

Выявление “крупных коррупционеров среди мелких чиновников” // **Жэньминь жибао**, 05.12.2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1205/c95181-8818823-4.html>

Денисов И. Охота на тигров // **Лента.ру**, 12 мая 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2014/05/12/chinacorruption/>

За пять лет на 32 государственных работников провинциального уровня и выше заведены дела по подозрению в коррупции // **Жэньминь жибао**, 22 октября 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/8432981.html>

Карнеев А. Сюрприз для “дядюшки” // **Finance.ua**, 25 ноября 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://news.finance.ua/ru/news/~339221>

Китай основательно борется с коррупцией // **Жэньминь жибао**, 06.02.2013, [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/8124008.html>

**Китайская народная республика: политика, экономика культура. К 65-летию КНР.** Москва, 2014.

Коваль А. “Тигр” в клетке! Пусть торжествует закон! // **Зеркало недели**, 8 августа 2014, [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://gazeta.zn.ua/international/tigr-v-kletke-pust-torzhestvuet-zakon-antikorrupcionnaya-kampaniya-v-kitae-dostigla-nevidannyh-masshtabov-.html>

КПК наметила в общих чертах план по борьбе с коррупцией на 2013 год // **Жэньминь жибао**, 02. 01. 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/8075627.html>

Необходимо вести борьбу с коррупцией на основе законов // **Жэньминь жибао**, 01.08.2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0801/c95181-8764043.html>

Новая политика Китая // **Вопросик**, 24 марта 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://voprosik.net/novaya-politika-kitaya/>

Одобрила компартия Китая антикоррупционную пятилетку // **Новости Беларуси**, 24 июня 2008. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.newsby.org/news/2008/06/24/text9701.htm>

Олими Ф. Борьба с коррупцией: взгляд из Пекина // **ASIA-Plus**, 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://news.tj.ru/people-reporter/borba-s-korrupsiiei-vzglyad-iz-pekina>



---

Сексуальный скандал с участием государственных служащих нанес серьезный удар по китайскому обществу // **Жэньминь жибао**, 28. 01. 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/8110679.html>

Сокращение потребления за счет казенных средств вернет рынок к нормальной жизни // **Жэньминь жибао**, 24. 12. 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/8494342.html>)

*Тавровский Ю.* Схватка с тигром. Как противодействует коррупции в КНР “товарищ Си” // **ЦентрАзия**, 18.12.2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1418852520>

*Фасхутдинов Р. Р.* Опыт успешной борьбы с коррупцией в Китае // **Анти-коррупция**, 2012, [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.anticorruptere.ru/opit-uspeshnoi-borbi-s-korruptciei-v-kitae.html>

*Цыплаков С.* Личное измерение власти: Китай через два года после съезда // **Интерфакс**, 20 декабря 2014. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.interfax.ru/world/414242>

*Чаплыгина М.* Вице-премьер КНР Ван Цишань возглавил комиссию по проверке дисциплины // **РИА “Новости”**, 15.11.2012. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://ria.ru/world/20121115/910805693.html>]

Чистка “голых чиновников” // **Жэньминь жибао**, 05. 12. 2014, [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1205/c95181-8818823-5.html>

Anti-graft blitz upgrades to protracted war // **Xinhua**, 09. 12. 2014. [Electronic resource] – Mode of access: [http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2014-12/09/c\\_133843335\\_2.htm](http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2014-12/09/c_133843335_2.htm)

*Brown K.* Shanghai, and the Fall of Chen Liangyu Corruption, Politics or Both? // **Chatham House China Briefings**, October 2006, №1. [Electronic resource] – Mode of access: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Asia/bnchina1006.pdf>

Corruption Perceptions Index 2014: results // **Transparency**, 2014. [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.transparency.org/cpi2014/results>

*Faison S.* **Beijing Journal; Politics, Sex and Murder! A Banned Best-Seller!** // **The New York Times** September 15, 1997. [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.nytimes.com/1997/09/15/world/beijing-journal-politics-sex-and-murder-a-banned-best-seller.html?src=pm>

*Feldman N.* **Cool War: The Future of Global Competition.** Random House, 2013.

*Kang Lim B., Buckley C.* Another ousted China party chief challenges case against him // **Chicago Tribune**, May 28, 2012. [Electronic resource] – Mode of access: [http://articles.chicagotribune.com/2012-05-28/news/sns-rt-us-china-politicsbre84r02k-20120527\\_1\\_corruption-charges-power-struggle-bo-xilai](http://articles.chicagotribune.com/2012-05-28/news/sns-rt-us-china-politicsbre84r02k-20120527_1_corruption-charges-power-struggle-bo-xilai)

*Kinkley J. C.* **Corruption and Realism in Late Socialist China: The Return of the Political Novel.** Stanford, 2006.

*Lü Xiaobo.* **Cadres and Corruption: The Organizational Involution of the Chinese Communist Party.** Stanford, 2002.

*McKirdy E.* **China slips down corruption perception index, despite high-profile crackdown** // **CNN**, December 3, 2014. [Electronic resource] – Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/12/03/world/asia/china-transparency-international-corruption-2014/>

*Zhang Wei-Wei.* **Transforming China: Economic Reform and its Political Implications.** Palgrave Macmillan, 2000.